

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

В БРУСЯНИНЪ.

ПОЭТЫ-КРЕСТЬЯНЕ

СУРИКОВЪ

И

ДРОЖЖИНЪ.

СЪ ДВУМА ПОРТРЕТАМИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ЮНАТЪ РОССІЯ.

Москва, Б. Дмитровская ул., д. 10.

МОСКВА

Издательство "Юнатъ Россія" (Б. Дмитровская ул., д. 10).

1910.

II
807

• Зак. № 736

С. 11

САНКОВЕ ДИВЯЧУНУС

1913

Библиотека для семьи и школы.

№ 76

25/2

8:92
с-90.

ПОЭТЫ КРЕСТЬЯНЕ

СУРИКОВЪ И ДРОЖЖИНЪ.

(Съ двумя портретами).

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„ЮНАЯ РОССИЯ“.

Москва, Б. Молчановка, д. 24.

217 а 1354а
24
0

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульварь, соб. домъ
1910.

С. ПЕТЕРБУРГ

8-10
01-2

САВАНКОВА И ДВОЖИЛНОВ

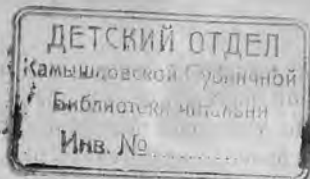
ИЗДАТЕЛЬСТВО

131

С. ПЕТЕРБУРГ

ВООРУЖЕНИЯ

С. ПЕТЕРБУРГ

X
Завѣщаль ты намъ трудиться
До поту лица
И съ судьбой упорно биться,
Биться до конца.
Словъ твоихъ мы не забудемъ,
Ихъ не потаимъ;
Твой завѣтъ веѣмъ честнымъ людямъ
Мы передадимъ.

И. Суриковъ.

Болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ знаменитый русскій критикъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій *) сказалъ: „Высочайшая похвала,—какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ,— самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ народный поэтъ“. Кого же подразумѣвалъ здѣсь Бѣлинскій подъ именемъ „народнаго поэта“? Статья, изъ которой мы сдѣлали эту выписку, написана критикомъ въ 1841 году, то-есть года черезъ 3-4 послѣ смерти поэта Пушкина. Въ эти же годы Бѣлинскій открыто высказалъ, что первымъ истинно русскимъ поэтомъ считаетъ онъ „великаго Пушкина“, который, воспитавшись на сочиненіяхъ иностранной литературы, въ своихъ произведеніяхъ выразилъ думы и чувства русскаго народа и создалъ въ литературѣ образецъ чистаго русскаго языка.

Естественно, что Бѣлинскій, хороня такого дорогого

*) Бѣлинскій большую часть своей жизни посвятилъ разбору сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей; такіе писатели называются критиками. Въ маѣ 1898 года исполнилось 50 лѣтъ со дня его смерти.

писателя, какимъ сошелъ въ могилу Пушкинъ, утѣшалъ себя надеждою, что изъ среды народа выйдутъ достойные ученики покойнаго учителя, а ихъ литературная дѣятельность будетъ продолженіемъ его преждевременно прервавшейся дѣятельности *). Бѣлинскій при жизни дождался такихъ учениковъ Пушкина; но вотъ уже со смерти критика прошло пятьдесятъ лѣтъ, и въ теченіе этого времени въ русской литературѣ можно насчитать не мало славныхъ именъ, которыхъ критикъ заранѣе наградилъ почетнымъ названіемъ: народный поэтъ. Мы, потомки того поколѣнія, къ которому принадлежали Пушкинъ и Бѣлинскій, къ которому можемъ подтвердить, что слова критика оказались не напрасными: произведенія писателей, въ которыхъ правдиво отражается народная жизнь, привлекаютъ вниманіе и до сихъ поръ.

Русская литература сослужила громадную пользу обществу; въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ она знакомитъ русскій народъ съ его же собственной жизнью, выводя лицъ разныхъ сословій и состояній, описывая хорошія и дурныя, печальныя и смѣшныя стороны народной жизни, поучая и указывая на причины, благодаря которымъ жизнь слагается такъ или иначе.

Посвящая настоящую книжку описанію жизни поэтовъ Сурикова и Дрожжина, мы хотимъ вкратцѣ познакомить читателя и съ ихъ произведеніями. Знакомство съ произведеніями этихъ поэтовъ интересно и полезно по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, оба они вышли изъ крестьянской семьи, получили воспитаніе въ деревнѣ, и въ своихъ стихотвореніяхъ высказали то, что думаетъ и чувствуетъ простой народъ, народъ деревни; во-вторыхъ, покинувъ деревню и перебравшись въ столицу, они вступили въ ряды низшихъ слоевъ городского общества, и въ своихъ произведеніяхъ сумѣли

*) А. С. Пушкинъ умеръ въ 1837 г., на 37 году жизни.

выразить и эту жизнь; наконецъ, въ третьихъ, вставъ по своимъ способностямъ и умственному развитію выше окружавшей ихъ деревенской и городской среды, и лучше другихъ видя хорошія и дурныя стороны жизни, они, хотя и робкими заявленіями, все-таки высказались въ литературѣ, какъ представители народа.

Во время Бѣлинскаго въ русской литературѣ заявили о себѣ многіе писатели, вышедшіе изъ среды народа: Кольцовъ, Шевченко, Слѣпушкинъ, Сухановъ и другіе. Изъ этой группы писателей особенно выдѣлялись своими талантами только двое: Алексѣй Кольцовъ и поэтъ-малороссъ Тарасъ Шевченко. Литературная судьба этихъ поэтовъ сложилась счастливо: стихотворенія Кольцова до сихъ поръ читаются русской публикой, или, переложенныя на музыку, поются; а въ произведеніяхъ Шевченко отразилась, главнымъ образомъ, жизнь Малороссіи.

Можно смѣло сказать, что поэзія Кольцова положила начало чисто кольцовой школы, отличительный характеръ которой—непосредственность и простота чувствъ и языка, которымъ выражены эти чувства. Правда, свои стихотворенія Кольцовъ писалъ подъ впечатлѣніемъ чисто народныхъ пѣсенъ, и большинство изъ нихъ сходны съ этими пѣснями; но все же они отличаются болѣею стройностью стиха и болѣею опредѣленностью думъ, сравнительно съ народной поэзіей.

Самобытная кольцовская поэзія заинтересовала какъ самого Бѣлинскаго, такъ и весь литературный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ другъ критика, нѣкто Станкевичъ. На долю Станкевича выпалъ счастливый случай встрѣтить въ Воронежѣ юнаго мѣшанина—прасола Кольцова и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть въ нѣдрахъ народной жизни новый источникъ для русской литературы. И мы видимъ, что источникъ этотъ выбился и увлекъ за собою не мало новыхъ силъ изъ той же народной среды.

Первымъ и видимымъ послѣдователемъ Кольцова явился поэтъ Никитинъ. Въ его стихотвореніяхъ можно найти много самостоятельнаго, но все-таки нельзя не замѣтить и подражанія предшественнику — Кольцову. Интересна судьба этихъ поэтовъ и въ другомъ смыслѣ. Они оба уроженцы Воронежа, оба дѣти мѣщанъ-торговцевъ, оба съ дѣтскихъ лѣтъ несли тяготы семейной обстановки, живя подъ впечатлѣніями почти однихъ и тѣхъ же явленій жизни и природы; потому и въ ихъ произведеніяхъ отразилось не мало общихъ настроеній и чувствъ.

Послѣ Никитина изъ народныхъ поэтовъ замѣтно выдвинулись Суриковъ и Дрожжинъ. Ихъ обоихъ, какъ и Никитина, можно считать послѣдователями Кольцова. Изъ жизнеописанія этихъ поэтовъ читатель узнаетъ, какая среда воспитывала ихъ и какъ сложилась ихъ незавидная жизнь. Предварительно мы скажемъ только, что оба они—дѣти деревни; обоихъ ихъ деревня, близкая къ природѣ, выносила въ своей немудрой колыбели, напѣвая имъ простыя деревенскія пѣсни. Оттого-то и ихъ пѣсни просты, непосредственны, оттого-то онѣ имѣютъ много общаго съ пѣснями Кольцова, дѣтство и юность котораго также протекали на лонѣ широкихъ степей и полей.

Всѣ народные поэты, о которыхъ мы здѣсь упоминали, представляютъ какъ бы самостоятельную группу въ русской литературѣ, и произведенія ихъ отличаются тоже нѣкоторою особенностью отъ произведеній другихъ писателей, какъ съ внѣшней стороны стиха, такъ и по своимъ настроеніямъ. Робкая русская душа, запуганная складомъ крѣпостной жизни и суровой природы, и тихое, грустное чувство, стѣсненное неурядицею жизни, бѣдностью, невѣжествомъ — говорятъ въ ихъ пѣсняхъ за себя и звучатъ неподдѣльно и непосредственно. А пристальнѣе присмотрѣвшись къ тѣмъ ихъ произведеніямъ, гдѣ они пытаются изобразить

черты изъ жизни народа, — мы находимъ описаніе то жизни деревни въ крѣпостное время, то жизни русскаго крестьянина послѣ освобожденія, то жизни фабричнаго и мастераго въ сутолокѣ городской жизни.

Познакомившись съ бытомъ Кольцова и Никитина, мы увидимъ, что небольшой провинціальный городъ воспиталъ ихъ въ годы дѣтства, а характеръ семейнаго городского торговаго класса, гдѣ они росли, заложилъ въ нихъ первыя впечатлѣнія. Но изъ ихъ жизнеописаній видно также, что благодаря условіямъ семейной жизни имъ приходилось живать и въ деревнѣ, и природа деревни заняла въ ихъ произведеніяхъ довольно видное мѣсто. Жизнь торговаго класса также отразилась въ ихъ произведеніяхъ, и особенно въ стихотвореніяхъ Никитина. Его поэма „Кулакъ“ — цѣлый романъ сѣренъкаго быта, неурядиць, зла и невѣжества торговой семьи его времени.

Сурикову и Дрожжину не долго пришлось жить въ деревнѣ; въ дѣтскіе годы судьба забросила ихъ въ омутъ столичной жизни, однако, они, пришлецы изъ деревни, не потерялись тамъ; напротивъ, столица поразила ихъ вниманіе и заставила сложить о себѣ не мало пѣсенъ. Укладъ жизни города сложнѣе жизни деревни. Сѣренъкая деревенская жизнь обычна изо дня въ день; развѣ только засуха, пожаръ, падежь скота, голодь съ его ужасными послѣдствіями — разразятся надъ деревней и выбьютъ обывателя изъ колеи. Всѣ эти бѣдствія многое оставляютъ по себѣ въ памяти деревенскаго люда, но потомъ онъ опять понесетъ свою нелегкую ношу робко или съ глухо выраженной жалобой. Городъ каждый день мѣняетъ свою жизненную оболочку, и люди должны каждый день приспособляться къ этому капризному чудовищу. Здѣсь въ ежедневной тревогѣ люди вызываются на борьбу, часто неравную, часто побивающую слабого, неустановившагося чело-
вѣка.

Этот водоворотъ городской жизни подхватилъ Сурикова и Дрожжина съ дней дѣтства и увлекъ на борьбу, нищету и лишенія; поэтому и большинство ихъ стихотвореній полны выраженія мукъ и страданій.

Если Кольцовъ и Никитинъ—пѣвцы провинціи, съ ея сѣренькой жизнью и неурядицами, то Суриковъ и Дрожжинъ — пѣвцы деревни, разлагающейся подъ ударами новыхъ условій, и пѣвцы столицы, гдѣ въ ежедневной борьбѣ теряютъ силы выходцы разлагающихся деревень. Оба они, по волѣ сложившихся обстоятельствъ и матеріальныхъ условій, были оторваны отъ деревни и втиснуты въ условія города.

Познакомившись съ жизнеописаніемъ поэтовъ, читатель увидитъ, какъ принялъ ихъ городъ, что онъ имъ далъ, почему онъ сурово встрѣтилъ юныхъ пришлецовъ деревни и какую печать онъ наложилъ на ихъ произведенія.

I.

Иванъ Захаровичъ Суриковъ родился 25-го марта 1841 года въ деревнѣ Новоселово, Юхтинской волости, Углицкаго уѣзда, Ярославской губерніи. Семья, гдѣ онъ родился и провелъ первые годы дѣтства, была обыкновенная деревенская семья. Дѣдъ его, Адрианъ Егоровичъ, былъ на оброкѣ у графовъ Шереметевыхъ. У Адриана Сурикова было три сына: Иванъ, Яковъ и Захаръ. Сначала они жили нераздѣльно, всей семьей, но потомъ старшій сынъ переѣхалъ въ Москву и занялся торговлей, средній поступилъ на военную службу, младшій, Захаръ, отлучился изъ семьи также въ Москву на сторонніе заработки.

Жизнь дѣда и его семьи проходила обыкновенно, какъ проходила жизнь каждаго крестьянина въ тѣ крѣпостныя времена: платили они барину оброкъ и трудились. „Жили, — прямо сказать, — по тому крестьянскому времени въ достаткѣ: была и пара коней, корова, телушка годовалая, малость овецъ и прочее, — все какъ есть полностью хозяйство... По всей домашности работа тогда падала на бабъ... Мы наѣзжали изъ Москвы временно; онѣ вели весь домъ... Старикъ слабѣлъ, часто припадалъ...“

Такъ пишетъ одинъ жизнеописатель о семьѣ Суриковыхъ со словъ отца поэта. Такимъ образомъ, семья Суриковыхъ начала распадаться. Дѣдъ Адрианъ былъ заправскій крестьянинъ-хлѣбопашецъ, развѣ только по временамъ отлучавшійся изъ деревни въ Москву и на Волгу; а дѣти его, какъ подросли, такъ и разошлись изъ деревни по разнымъ мѣстамъ. Это происходило потому, что крестьянская жизнь даже и въ крѣпостное время начала уже измѣняться: городъ сталъ притягивать къ себѣ свободныя руки деревни.

Дѣдъ и бабушка были люди стараго закала, богомольны, разсудительны и справедливы; такой же была и мать. Среди такого-то простого и добраго семейства родился будущій поэтъ, Иванъ Захаровичъ, и, несомнѣнно, такой характеръ близкихъ людей передался и ему. Черезъ годъ послѣ рожденія внука умеръ дѣдушка, и Ваня остался на попеченіи бабушки и матери; отецъ по-прежнему продолжалъ жить въ Москвѣ.

Раннее дѣтство ребенка началось такъ же, какъ начинается дѣтство каждаго деревенскаго мальчика. Всталъ онъ на ноги, появился на улицѣ среди сверстниковъ, принялся за ребячьи игры и шалости и незамѣтно вытянулся въ подростка.

Ваня особенно любилъ бывать у мѣстнаго дьячка Ивана Дмитріевича. У дьячка былъ сынъ Сеня, однихъ съ Ванею лѣтъ, и между мальчиками завязалась тѣсная неразрывная дружба. Зимой, на праздники, и лѣтомъ, въ свободное отъ ученія

время, къ дьячку прїѣзжали и старшіе его сыновья, которые учились въ семинаріи, въ городѣ. Съ Сеней Ваня дѣлилъ дѣтскія игры и забавы, а старшихъ его братьевъ побаивался: они были взрослые, носили длинные сюртуки и разговоры вели не деревенскіе. Ваня, однако, постоянно находился среди нихъ и, спрятавшись гдѣ-нибудь въ уголокѣ, жадно прислушивался, о чемъ говорятъ между собою семинаристы. Разговоры семинаристовъ были интересны для Вани: говорили они о городѣ, объ ученіи въ семинаріи и о многомъ другомъ, о чемъ онъ раньше никогда не зналъ.

Въ дѣтствѣ Суриковъ имѣлъ и еще интересныя встрѣчи. Черезъ деревню Новоселово въ то время проходило много странниковъ и странницъ по пути въ Угличъ, къ гробу царевича Дмитрія. Люди эти, обыкновенно исходившіе очень много мѣстъ и перевидавшіе не мало разныхъ людей, всегда охотно рассказываютъ о томъ, гдѣ и что видѣли. Много они, разумѣется, говорятъ глупостей, но много и справедливаго можно узнать изъ ихъ разсказовъ. Семья Суриковыхъ отличалась гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, какъ и семья дьячка Ивана Дмитріевича; поэтому Ванѣ и Сенѣ приходилось часто видѣть странниковъ и странницъ, и не мало они наслушались ихъ разсказовъ. А потомъ, оставшись наединѣ, мальчики обсуждали слышанное; рассказывали они другъ другу также разныя сказки и повѣствованія, а то слушали разказы бабушки Вани: она много знала сказокъ

и всегда охотно рассказывала ихъ любознательнымъ ребятамъ,—и далеко, далеко уносились дѣтскія грезы!

Всѣ эти встрѣчи и рассказы интересовали пытливыхъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давая имъ не мало свѣдѣній о разныхъ мѣстахъ и людяхъ, и о томъ, кто, гдѣ и какъ живетъ. Ваня слушалъ эти рассказы,—и кто знаетъ, какія думы пробуждали они въ его юной головѣ. Мы знаемъ только, что мальчикъ съ затаеннымъ вниманіемъ слушалъ рассказы странниковъ, и нерѣдко дѣтскіе глазки его затуманивались слезами. Суриковъ вообще росъ впечатлительнымъ мальчикомъ; беззаботно онъ предавался дѣтскимъ играмъ и радостямъ, но съ дѣтскихъ же лѣтъ онъ научился и страдать, видя горе и страданіе другихъ.

Въ такой деревенской обстановкѣ протекали дѣтскіе годы поэта. Многое можно считать въ этой обстановкѣ такимъ, что хорошо вліяло на его дѣтскую душу, развивало ее, дѣлая мягкой, отзывчивой; но, разумѣется, были и дурныя стороны, вліяніе которыхъ тоже отзывалось на характерѣ юноши. До этого дурного, впрочемъ, мальчику не было дѣла; онъ любилъ свою родимую деревню, любилъ мать, Сению, любилъ бабушку и ея заманчивыя сказки... Любилъ онъ деревню лѣтомъ, окруженную зеленѣющимъ лѣсомъ, съ хорами веселыхъ птичекъ, съ лугами, покрытыми коврами цвѣтовъ и травъ, съ бурливою рѣчкою... Любилъ онъ ее и зимою, когда бѣлый покровъ снѣговъ прикроетъ

и луга, и рѣчку, и улицу и разукрасить лѣсъ бѣлѣющей кисеей инея... А по ночамъ загорятся въ небѣ яркія звѣздочки, затрепещутъ морозы, или поднимется метель, небо потемнѣетъ, буря завоетъ...

Не долго продолжалась эта деревенская жизнь. Какъ-то въ концѣ зимы, на масленой недѣлѣ, отецъ Вани пишетъ изъ Москвы, что открылъ свою овощную лавочку и что думаетъ взять изъ деревни жену и сына. Вѣсть эта пришла, когда семья сидѣла за чайнымъ столомъ. Прислушался Ваня къ разговору старшихъ, и сердце его сжалось: онъ понялъ, что скоро придется разстаться съ деревней и со всѣми ея радостями и забавами и переѣхать въ Москву, гдѣ, какъ онъ раньше слышалъ, дѣтей и учатъ, и бьютъ. Жаль ему было разстаться и съ Сеней, но бабушка успокоила внука, говоря, что и Сеня уѣдетъ въ городъ учиться. Ничто, однако, не успокоивало мальчика; его постоянно тревожила предстоящая разлука съ тѣмъ, къ чему онъ такъ привязался, и онъ затаилъ въ душѣ тяжелую и тревожную печаль. Печаль эта цѣлою грозой разразилась надъ мальчикомъ: онъ заболѣлъ горячкою и пролежалъ въ постели три недѣли. Мать и бабушка усердно ухаживали за нимъ, и, наконецъ, онъ выздоровѣлъ.

Миновалъ великій постъ, и на праздники снова приѣхалъ изъ Москвы отецъ Ваня. Съ его приѣздомъ все чаще и чаще стали поговаривать о переселеніи въ Москву. Отдохнуль было Ваня отъ

тревожныхъ слуховъ за время болѣзни, а когда поправился— снова старая печаль стала затуманивать его думы.

Наступила весна, веселая, радостная... Побѣжали съ горъ ручьи, зазеленѣли рощицы и поля, а вдали разлилась широкая Волга. Ваню радовала особенно эта весна. Чудилось ему, что онъ долго уже не увидитъ ни деревни, ни лѣсовъ, ни луговъ въ расцвѣтѣ весны. И дѣйствительно, прошло лѣто, протянулась дождливая осень съ морозной зимой, и въ началѣ слѣдующей весны мать и девятилѣтній сынъ уѣхали въ Москву.

II.

Дорога отъ Новоселова до Москвы, какъ все новое, конечно, развлекала юнаго Сурикова. Переѣзжая, онъ встрѣчалъ новыя мѣста и новыхъ людей.

Громадная, шумная Москва также поразила вниманіе мальчика. Онъ видѣлъ большіе многоэтажные дома, оживленное движеніе на улицахъ, яркую одежду на москвичахъ. Овощная лавочка отца тоже не мало изумила его разнообразіемъ товаровъ, а особенно разнообразіемъ покупателей, которые то и дѣло появлялись въ лавкѣ и такъ же скоро скрывались... Но на ряду съ этимъ Ванѣ пришлось встрѣтиться со многимъ, что было неприятно его дѣтскимъ желаніямъ. Ему было тѣсно въ узкомъ дворѣ, окруженномъ стѣнами громад-

ныхъ домовъ,—онъ не видѣлъ здѣсь зеленой лужайки и лѣса, какъ въ Новоселовомъ, и около него не было ни Сени, ни другихъ сверстниковъ, съ кѣмъ можно бы было порѣзвиться и поиграть.

„Такъ тянулись два безцвѣтныхъ года, которые нечѣмъ было вспомнить взрослому Ивану Захаровичу“,—говоритъ объ этомъ времени его жизнеописатель. „Безъ товарищества нѣтъ дѣтства, или оно будетъ темно, печально, захирѣетъ, завянетъ, какъ цвѣтокъ безъ воздуха, свѣта, воды“...

Въ томъ же дворѣ, гдѣ была лавка отца Сурикова, жилъ одинъ старичокъ, по имени Пименъ Мирончъ. Ваня скоро подружился съ этимъ добрымъ одинокимъ старикомъ, часто заходилъ къ нему и слушалъ его длинные рассказы о быломъ, о людяхъ и о многомъ, чего раньше не слышалъ. Отцу, однако, не нравилось это знакомство. Какъ и большинство торговыхъ людей, онъ былъ чловѣкъ недалекій и съ раннихъ лѣтъ поглощенный трудомъ и заботами. Вся жизнь его сводилась къ тому, чтобы какъ-нибудь побольше продать, да повыгоднѣй. Такого же способнаго къ торговлѣ чловѣка хотѣлъ онъ видѣть и въ своемъ будущемъ помощникъ, и все, что казалось ему не похожимъ на его собственную жизнь,—все онъ считалъ не нужнымъ и лишнимъ. Такъ смотрѣлъ онъ и на знакомство Вани съ старикомъ, хотя мальчикъ въ его обществѣ все же нѣсколько отдыхалъ отъ своего одиночества.

Когда Ванѣ пошелъ десятый годъ, отецъ на-

чалъ подумывать о томъ, чтобы выучить его грамотѣ, такъ какъ хорошо зналъ, что въ торговомъ дѣлѣ грамотность очень нужна. Вскорѣ Ваня принялся учиться. Въ Москвѣ въ тѣ времена еще мало было школъ и обученіемъ дѣтей занимались духовные, солдаты и другіе люди, которые и сами-то были плохо грамотны и занимались обученіемъ ради куска хлѣба.

По близости отъ дома, гдѣ жили Суриковы, проживали двѣ сестры „Финогеихи“, какъ звали ихъ всѣ. Это были старыя малограмотныя дѣвицы и могли научить только чтенію да письму. Онѣ познакомили Сурикова съ книжкой, и съ тѣхъ поръ онъ заинтересовался чтеніемъ. Грамота вообще скоро далась ему; черезъ полгода онъ уже хорошо читалъ книги духовныя и гражданскія.

Черезъ нѣкоторое время у Сурикова, кромѣ Пимена Мироныча, объявился еще новый знакомый. Какъ-то на тотъ же дворъ, гдѣ жили Суриковы, переѣхалъ на квартиру бѣдный чиновникъ. Звали его Ксенофонтъ Силычъ. Ваня случайно повстрѣчался съ нимъ во дворѣ, когда новый квартирантъ перевозился съ своими вещами на квартиру. Чиновникъ шутя попросилъ Сурикова помочь ему переносить вещи, и тотъ сталъ помогать. Суриковъ увидѣлъ у новаго жильца много интересныхъ для него вещей; у чиновника оказалось нѣсколько связокъ книгъ и тетрадей. И случилось такъ, что одна изъ пачекъ развязалась, тетради выпали на полъ, и Ваня увидѣлъ, что

онѣ исписаны стихотвореніями. У Вани даже руки затряслись при этомъ открытіи, а бритый чиновникъ сталъ еще интереснѣе въ его глазахъ.

Несмотря на всѣ неудачи жизни, преслѣдовавшія Ксенофонта Силыча, онѣ былъ веселый человекъ, любилъ пошутить, поболтать и посмѣяться,—и съ Ваней сразу вступилъ въ дружескія отношенія. Дружба эта скоро упрочилась, и Суриковъ началъ ежедневно посѣщать Ксенофонта Силыча. Благодаря этому знакомству, Ваня мало-помалу забывалъ о родной деревнѣ. Только въ это же время его посѣтила и первая тяжелая утрата.

У него была сестра Ольга, съ которой они вмѣстѣ росли, играли и дѣлили свои дѣтскія радости и печали. Но вотъ она заболѣла и умерла. Эта смерть горькимъ чувствомъ отозвалась въ душѣ мальчика, и впослѣдствіи, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этой утраты, имъ было написано стихотвореніе: „Тихая постелька“. Поэтъ грустными стихами описываетъ ночь, горящую свѣчу у гробика и въ немъ малютку. Стихотвореніе это заканчивается такими грустными строками:

„Хорошо ему лежать,—
Въ гробикѣ уютно.
Горя онъ не будетъ знать,
Гость земли минутный.
Не узнаетъ никогда,
Свѣтлый житель рая,
Какъ слезами залита
Наша жизнь земная“...

Стихотвореніе это написано, конечно, позже,

когда самъ поэтъ, пережившій въ жизни не мало горя и нужды, имѣлъ право сказать, что „слезами залита наша жизнь земная“.

Утрата любимой сестры была только каплей въ морѣ невзгодъ въ жизни поэта; на его голову готовилось не мало печали. Отецъ въ продолженіе всего его дѣтства, да и въ послѣдующіе годы, не отличался особою любовью къ сыну; напротивъ самъ же поэтъ въ послѣдствіи говаривалъ своимъ знакомымъ, что ему много пришлось перетерпѣть въ жизни отъ этого человѣка... Но не все же только горькое было въ дѣтствѣ и юности Сурикова: выпадали у него и радости, особенно когда его литературныя попытки стали сопровождаться успѣхомъ.

Какъ-то по сосѣдству съ ихъ домомъ случился пожаръ. Суриковъ видѣлъ и лично пережилъ всѣ ужасы этого несчастья; онъ видѣлъ людей, мятущихся отъ страха передъ огнемъ и съ опасностью для собственной жизни оберегавшихъ свое имущество; онъ видѣлъ безпомощныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ,—и все это, переиспытанное имъ, потомъ описалъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній.

Первымъ судьей этого поэтического опыта явился тотъ же Ксенофонтъ Силычъ. Робко, боясь насмѣшки, Ваня рѣшился дать ему свое стихотвореніе. Чиновникъ прочелъ стихотвореніе, сдѣлалъ кое-какія поправки, посоветовалъ Ванѣ не бросать писать и просилъ все написанное приносить къ

нему на судъ. Послѣ этого Ксенофонтъ Силычъ еще внимательнѣе сталъ относиться къ Сурикову, да и Ваня сильнѣе и сильнѣе привязывался къ нему. Чиновникъ чаще бесѣдовалъ съ Ваней, рассказывалъ ему о своей прошлой жизни, говорилъ о жизни чиновниковъ, купцовъ, мужиковъ,—объясняя, почему среди людей много бѣдныхъ и забытыхъ и почему счастливо живутъ богатые и сильные люди. Ваня многого, конечно, не понималъ въ рѣчахъ чиновника, но несомнѣнно однако же то, что Ксенофонтъ Силычъ оказалъ большую услугу юному Сурикову въ развитіи его умственныхъ способностей и въ воспитаніи его впечатлительной души.

Были и еще непріятности въ жизни Сурикова за эти годы. Отецъ его, какъ мы уже говорили, хотѣлъ, чтобы сынъ пошелъ по его же дорожкѣ, и всячески старался пріучить его къ торговому дѣлу. Суриковъ не противорѣчилъ этому, но въ немъ все сильнѣе и сильнѣе проявлялось желаніе къ ученью, къ книгѣ и писанью стиховъ. Сидя въ лавочкѣ и занимаясь торговлей, онъ находилъ время и на чтеніе и на писанье стиховъ, хотя занятія эти были всегда не по душѣ отцу. Только уже впослѣдствіи, когда стихотворенія Сурикова стали появляться въ печати и имя его стало упоминаваться въ обществѣ, отецъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на эти занятія.

Скоро однако Ивану Захаровичу вздохнулось полегче. Отецъ его, за это время уже порядочно

расторговавшийся, открылъ вторую лавочку на Бронной улицѣ, куда и помѣстилъ сына. Теперь Суриковъ сталъ уже самостоятельнѣй и могъ, когда вздумается, читать книги и заниматься. Здѣсь же, на Бронной, у него завязались и новыя знакомства.

Тотъ домъ, гдѣ помѣщалась довѣренная ему лавка, принадлежалъ нѣкому Любникову. Это былъ знатный чиновникъ того времени, служившій въ канцеляріи военнаго губернатора. Одна изъ дочерей этого чиновника узнала, что простоватый юноша, торгующій въ лавкѣ при ихъ домѣ, пописываетъ стихи,—и приняла въ немъ участіе. Дѣвушка начала давать Сурикову книги и журналы и, познакомившись съ его стихотвореніями, нашла, что они тепло и искренно написаны и что вообще торговецъ—юноша не безъ таланта.

Эти два года жизни въ домѣ Любникова поэтъ считалъ счастливейшими годами. Писалось ему тогда легко и свободно, хотя работа его нуждалась еще въ большихъ поправкахъ. Скоро у него скопилась довольно толстая тетрадь стихотвореній; но понести ихъ куда-нибудь въ газету или журналъ для напечатанія Иванъ Захаровичъ не рѣшался. Видя такую нерѣшительность съ его стороны, Любниковы сами стали хлопотать о судьбѣ поэта; они имѣли въ Москвѣ большія связи и знакомства, и дали Сурикову возможность познакомиться съ однимъ литераторомъ.

Долго не рѣшался Иванъ Захаровичъ пойти къ

литератору, какъ будто сердце его чуюло неудачу. Литераторъ сказалъ ему: „Лучше вамъ заняться своимъ дѣломъ; до художника настоящаго,—а не настоящимъ быть не стоитъ,—вамъ пока далеко еще, да и путь писателя полонъ терній“... Но этотъ строгій приговоръ не смутилъ Сурикова, и онъ все-таки продолжалъ писать, относясь, впрочемъ, уже съ бѣльшой строгостью къ своему писательству.

Вслѣдъ за этой неудачей Ивану Захаровичу готовилось иное испытаніе. Торговля дѣла его отца сильно пошатнулись, онъ закрылъ обѣ лавки и переѣхалъ въ деревню, а Сурикову съ матерью пришлось перейти жить къ дядѣ, который также занимался торговлей. Дядя былъ человѣкъ суровый, строгій и требовательный, и жизнь юноши стала еще невыносимѣй, чѣмъ при отцѣ, когда они жили вмѣстѣ. Трудъ у дяди былъ не легкій: цѣлыми днями Ивану Захаровичу приходилось торговать въ лавкѣ, а иногда онъ развозилъ по городу товары; за все это дядя давалъ ему только столъ и квартиру и ни копейки жалованья. Но и здѣсь Иванъ Захаровичъ продолжалъ заниматься чтеніемъ и стихами, хотя это также не нравилось дядѣ, и между нимъ и племянникомъ происходили недоразумѣнія.

Долго Иванъ Захаровичъ и его мать терпѣли такую подневольную жизнь въ домѣ дяди, но, наконецъ, не вынесли и стали звать изъ деревни отца. По возвращеніи изъ деревни, Захаръ Адриановичъ сколотилъ кое-какія деньжонки, нанялъ на

Тверской улицѣ небольшое помѣщеніе и сталъ заниматься продажей стараго желѣза, мѣди и тряпья. Дѣло это пошло, и семья вздохнула по-свободнѣй. Лично для Ивана Захаровича перемѣна семейной жизни выразилась только въ томъ, что онъ сталъ торговать новымъ товаромъ, а все остальное осталось по прежнему. Такъ же отецъ ворчалъ на сына за его занятія, и такъ же Иванъ Захаровичъ влачилъ свою горемычную жизнь изо дня въ день. Съ утра до вечера приходилось просиживать въ лавкѣ, а по вечерамъ сидѣть въ крошечной душной комнаткѣ, гдѣ помѣщалось все семейство и гдѣ, конечно, трудно было чѣмъ-нибудь заняться. Никакихъ развлеченій не было, на чемъ могла бы отдохнуть его душа; не было даже подходящихъ знакомыхъ, а если и были—то развѣ они могли скрасить его одиночество?

Такъ жилъ поэтъ до 1860 года. Въ этомъ году онъ познакомился съ одной дѣвушкой Ермаковой. Это была сирота, жившая у своей тетки. Послѣ первыхъ же дней знакомства Сурикова съ Ермаковой, между ними завязалась дружба, потомъ перешедшая въ тихую любовь; а въ маѣ мѣсяцѣ молодые люди повѣнчались. Семейная жизнь Ивана Захаровича сложилась очень удачно. Всѣ родные полюбили тихую, скромную жену его, и дѣйствительно это была хорошая женщина, работающая, руководѣльная и не испорченная жизнью московскихъ улицъ. Въ это же время и торговья дѣла Суриковыхъ улучшились: отецъ началъ торговать углемъ, и это оказалось очень доходной статьей.

III.

Однажды, когда Иванъ Захаровичъ былъ въ авкѣ и торговалъ, къ ихъ дому подъѣхала красивая карета, изъ которой вышла нарядно одѣтая дама. Это была одна изъ дочерей Любникова, вышедшая замужъ за одного богача. Поздоровавшись съ Суриковымъ, она сообщила ему, что хочетъ познакомить его съ поэтомъ Плещеевымъ.

Онъ уже раньше читалъ стихотворенія этого писателя, и ему нравилась ихъ сердечность, отзывчивость, и привлекали бодрящія, высокія мысли. Теперь, когда онъ узналъ, что скоро познакомится съ человѣкомъ, котораго уже полюбилъ по его произведеніямъ, — душа его переполнилась радостью, хотя онъ сильно робѣлъ чего-то. Такія опасенія, однако, сами собою рушились, когда онъ пришелъ къ Плещееву.

Плещеевъ любилъ молодыхъ, начинающихъ писателей и всегда съ искренностью и теплотою относился къ нимъ, внимательно прочитывая ихъ работы, дѣлая указанія и поправки, ободряя ихъ неустановившійся духъ. Сурикова онъ принялъ тепло и ласково; тотчасъ же усадилъ и началъ съѣду, а потомъ вслухъ прочелъ нѣкоторыя изъ принесенныхъ стихотвореній. Плещееву понравились стихотворенія Сурикова, и онъ сказалъ ему: «У васъ много задушевности, правды и чувства,—

важныя черты въ поэзіи,—работайте смѣло!..“ Далѣе онъ указаль на нѣкоторые недостатки въ стихотвореніяхъ и разсказаль, какъ надо работать, чтобы стихотворенія выходили гладко и стройно и подкупали читателя.

Это первое свиданіе съ извѣстнымъ поэтомъ, его ласки и указанія—сильно подняли духъ Сурикова; съ этихъ поръ онъ началъ съ большей внимательностью относиться къ своимъ работамъ и не напрасно.

Въ 1863 году, когда Суриковъ уже достаточно хорошо владѣль стихотворнымъ языкомъ, первое стихотвореніе его появилось въ журналѣ „Развлеченіе“. Юноша съ слезами радости прочель собственное стихотвореніе напечатаннымъ, перечитываль его по нѣсколько разъ въ день и съ грустнымъ размышленіемъ спрашиваль себя: „Къ лучшему ли оно явилось на свѣтъ—кто знаетъ?“ И тутъ же отвѣчалъ самъ себѣ: „Начало сдѣлано; пусть что будетъ, то будетъ!“ А съ каждой встрѣчей съ Плещеевымъ, въ немъ сильнѣе и сильнѣе становилась увѣренность въ себѣ и своихъ силахъ, какъ писателя.

Не сумѣла только раздѣлить радости поэта его семья. Отецъ по-прежнему косо посматриваль на занятія сына и на его новыя знакомства, думая, что онъ такъ и не пойдетъ по его дорожкѣ. Яда неудовольствій въ семейныя отношенія подливали еще и знакомые Суриковыхъ.—„А съ тобой, братъ Захаръ Адрианычъ, теперича дѣло-то надо вести

съ опаской,—говорили отцу,—сынокъ-то какъ разъ въ *Листочки* отпишетъ... Писакъ—народецъ же!.. Хлѣбъ-соль водить, глядишь—ни за что продастъ“!..

Не нравились такіе разговоры Захару Адриановичу, и вслѣдствіе этого его отношенія къ сыну становились хуже и хуже. Кромѣ того, выбитый изъ колеи прежними неудачами, онъ сталъ попивать. Вернется, бывало, изъ трактира пьяненькій, придерется къ чему-нибудь и начнетъ вымещать свою злобу и неудовольствіе на неповинномъ сынѣ. Такія семейныя сцены бывали не рѣдки, и, конечно, онѣ дурно отзывались на всей семьѣ. Благодаря нетрезвой жизни и жена Захара Адриановича сошла въ могилу. Она умерла на рукахъ любимаго сына, и долго потомъ онъ оплакивалъ эту утрату. Ему съ неудавшеюся жизнью, съ неудовлетворенными запросами на лучшее—особенно горька была эта утрата: съ матерью похоронилъ онъ беззавѣтную, свѣтлую любовь, которая съ дѣтскихъ лѣтъ согрѣвала его страдающую душу.

Вскорѣ, несмотря на уговоръ отца, Суриковъ поселился съ женою на отдѣльной квартирѣ. Но на какія средства могъ жить Иванъ Захаровичъ, отдѣлившись отъ отца? Вѣдь онъ только и могъ торговать: ремесла никакого не зналъ, образованія тоже не имѣлъ, и передъ нимъ всталъ неумолимый вопросъ: что дѣлать?.. Въ жизни поэта начались тяжелые, скорбные дни, подточившіе его здоровье, дни непрерывныхъ исканій занятія ради

куска хлѣба; а найти занятіе въ большомъ городѣ не такъ-то легко: приходится обивать пороги, просить, унижаться, чуть ли не силою отнимать работу у другихъ такихъ же горемычныхъ искателей труда.

Скоро, однако, Суриковъ нашелъ работу—переписку бумагъ, а когда эта работа окончилась, ему предложили поступить въ типографію. Къ типографскому дѣлу онъ не былъ привыченъ, и съ первыхъ же дней поступленія ему пришлось приучаться къ новому дѣлу. Къ несчастью еще, проработавъ пять-шесть дней, онъ простудился, слегъ въ постель и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ безъ работы и безъ денегъ. Чтобы какъ-нибудь выбиться изъ нужды, стала работать и его жена; но много-ли она могла помочь дѣлу, зарабатывая гроши шитьемъ?.. Вотъ въ это-то время и подкралась нужда со всѣми своими ужасными послѣдствіями.

Жизнеописатель, хорошо знавшій жизнь Суриковыхъ, такъ говоритъ о душевномъ состояніи поэта за это время:

„Сѣрая осенняя ночь; моросить мелкій дождь; далеко за полночь. Иванъ Захаровичъ лежитъ на узкомъ диванѣ; онъ не можетъ заснуть; мысль покончить съ собою преслѣдуетъ его неотвязно... Поднялъ онъ голову, прислушался—тихо; жена спитъ крѣпко на пустомъ сундукѣ, который рѣшено тоже пустить въ закладъ; слышенъ ровный храпъ намученной работою женщины. Поднялся онъ, захватилъ въ руки дырявые сапоги и кар-

ТОЛКА КНИГЪ.

тузь, еле ступая, выскользнулъ въ дверь, въ чемъ лежалъ, не раздѣваясь... Иванъ Захаровичъ идетъ машинально, гадательно къ Каменному мосту“...

Среди глухой дождливой ночи Суриковъ очутился на мосту, гоня отъ себя неотвязную думу о самоубійствѣ... А эта дума, какъ змѣя, охватываетъ человѣка, отравляя своимъ ядомъ, и трудно чѣмъ-нибудь отвлечься въ такую ужасную минуту и отогнать прочь навязчивую мысль!.. Поэтъ однако очнулся, одумался и въ самомъ себѣ нашель силу, подкрѣпившую его больную душу.

Впослѣдствіи эти страшныя минуты борьбы жизни съ невольнымъ желаніемъ смерти онъ произвелъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: „На мосту“.

„Въ раздумьѣ, на мосту стоялъ
Бѣднякъ бездомный одиноко.
Осенній вѣтеръ бушевалъ
И волны вскидывалъ высоко.
Онъ думалъ: „Боже, для чего жъ
Насъ честно въ мірѣ жить учили,
Когда въ ходу одна здѣсь ложь,
О чести жъ вовсе позабыли?
Я вѣрилъ въ правду на землѣ;
Я честно мыслилъ и трудился;
И что жъ?—морщинъ лишь на челѣ
Я преждевременныхъ добился“!..

Ложь жизни, нищета, людская несправедливость привели поэта къ мысли о самоубійствѣ, и онъ, одинокій, въ отчаяніи, раздумываетъ объ этомъ на мосту въ глухую полночь; а другіе, вносящіе эту

ложь въ жизнь, питающіеся несправедливостью и плодящіе нищету, довольны и веселы!.. Иванъ Захаровичъ былъ какъ бы опьяненъ, отравленъ складомъ всей жизни... Въ своемъ стихотвореніи онъ говоритъ, что ни въ чемъ не нашелъ отрады на землѣ, а потомъ заканчиваетъ такъ свои думы:

„И поднялъ взоръ онъ къ небесамъ,
Надѣясь въ нихъ найти отраду,
Но видитъ съ ужасомъ и тамъ
Одну лишь черныхъ тучъ громаду“...

Поэтъ палъ духомъ; руки его, уставшія въ борьбѣ, опустились; и вдругъ въ его памяти встаетъ дорогой образъ человѣка, который когда-то умѣлъ силою своей любви поддерживать его падающій духъ. И Иванъ Захаровичъ идетъ на могилу матери, согрѣтый ея былою любовью.

Этотъ случай посѣщенія могилы описанъ имъ въ стихотвореніи: „У могилы матери“.

„Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь въ землѣ сырой.
Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и тоской“.

Такой жалобой начинается стихотвореніе; но слишкомъ глубоко запала въ душу поэта любовь къ матери, слишкомъ полна была его память этимъ человѣкомъ, и слишкомъ сильно хотѣлъ поэтъ жизни, счастья, любви!.. Онъ ободряется; минутное отчаяніе уступаетъ мѣсто жаждѣ жизни и труда, и поэтъ восклицаетъ:

„Нѣтъ, въ груди моей горячей
Кровь еще горитъ,
На борьбу съ судьбой суровой
Много силъ кипитъ!“

И вотъ онъ бодрѣетъ, успокоеннымъ возвращается съ могилы матери; онъ опять смѣло выступаетъ на борьбу съ жизнью.

Однако бодрость только на время поднимала духовныя силы поэта; жизнь попрежнему угнетала его неудачами, и онъ прибѣгъ къ послѣднему печальному средству. Вотъ что свидѣтельствуетъ жизнеописаніе поэта:

„Иванъ Захаровичъ не выдержалъ горькихъ испытаній жизни, сталъ чаще и чаще прибѣгать къ русской влагѣ забвенія... Рѣдкій надломленный русскій человѣкъ, попадая въ ежовыя рукавицы жизни, проходилъ, переживалъ години страданій, не касаясь „спиртного масла“, разбавленнаго щедро или скупой водой. Это горе-злосчастіе, лыкомъ подпоясанное, шляющееся по русской землѣ, навязалось съ своей дружбой и къ Ивану Захаровичу“.

Въ стихотвореніи, начинающемся словами: „Шумъ и гамъ въ кабагѣ“,—поэтъ описываетъ, что онъ наблюдалъ за время своей нетрезвой жизни и что онъ передумалъ, видя пьющій и ищущій забвенія въ водкѣ народъ. Потомъ, въ письмѣ къ одному своему знакомому, Суриковъ кается въ грѣхахъ прошлаго, принося искреннюю исповѣдь и заканчивая ее такими словами: „Я знаю, вы

простите и извините всѣ мои вины и ошибки,—я въ этомъ увѣренъ. Вы не станете порицать меня за упадокъ силъ, за временное пьянство въ моемъ прошломъ“.

И снова Иванъ Захаровичъ въ самомъ себѣ нашель источникъ исцѣленія отъ временнаго недуга. Онъ легко могъ сдѣлать это, потому что природа наградила его *однимъ отпаднымъ въ жизни*,—это были стихи... По-прежнему онъ продолжалъ писать ихъ, отражая въ нихъ свое собственное горе и несчастія окружавшей его жизни...

Съ 1870 года стихотворенія его начали появляться въ лучшихъ русскихъ журналахъ, и въ это же время у него завязались необходимыя ему знакомства. Стихотворенія Сурикова стали замѣчаться въ литературѣ; о немъ заговорили, какъ о талантливомъ поэтѣ. Въ 1871 году вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ его стихотвореній.

Насколько любилъ Суриковъ литературу, это можно судить по тому, какъ онъ относился къ писателямъ-самоучкамъ. Достаточно было ему замѣтить въ какомъ-либо юношѣ проблески дарованія, какъ онъ съ заботливостью старшаго брата ободрилъ и направить его. Но онъ не довольствовался этимъ; ему хотѣлось, чтобы о писателяхъ изъ народа знали и другіе; ему хотѣлось, чтобы читающая Россія знала, какія пѣсни поютъ эти самоучки и что они говорятъ отъ лица народа. Преслѣдуя эту цѣль, онъ задумалъ издать сборникъ, гдѣ могли бы печататься писатели-самоучки,

а потомъ задумалъ даже устроить такой кружокъ, гдѣ бы они могли собираться, бесѣдовать, развиваться и пополнять свои скудные знанія.

Но въ прошломъ за Суриковымъ стояли годы лишений, страданій и тяжелой борьбы съ обстоятельствами жизни; а развѣ это проходитъ когда-нибудь даромъ? Съ 1873 года онъ началъ прихварывать, напрасно борясь съ чахоткою, отъ которой погибло не мало русскихъ писателей въ расцвѣтѣ силы и лѣтъ.

Друзья озаботились участію больного, измученнаго поэта и отправили его на лѣченіе сначала въ самарскія степи, а потомъ въ Крымъ; но лѣченіе могло оттянуть роковой исходъ болѣзни только на нѣсколько мѣсяцевъ. 24-го апрѣля 1880 года Суриковъ умеръ. Схоронили его на Мясницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ, гдѣ надъ его могилой стоитъ мраморный памятникъ, въ видѣ креста на широкой плитѣ.

Смерть поэта была замѣтна не только для близкихъ ему людей; отмѣтила эту преждевременную утрату и литература... Вотъ какими стихами помянулъ покойнаго поэта его собратъ по перу С. Д. Дрожжинъ:

„Вешнее солнце пропало изъ глазъ,
Темная ночь наступила,—
Такъ передъ нами онъ, бѣдный, угасъ
Въ блескъ таланта и силы.
Пой, терпѣливый униженный людъ,
Пѣсни родного поэта,—
Въ нихъ воспѣвается честность и трудъ,
Слышится слово привѣта!“

IV.

Такимъ словомъ проводилъ покойнаго Сурикова С. Д. Дрожжинъ, о которомъ мы тоже хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Спиридонъ Дмитриевичъ Дрожжинъ самъ рассказываетъ о своей жизни.

Родился онъ, какъ и Суриковъ, недалеко отъ Волги, въ деревнѣ Низовкѣ, Тверского уѣзда, въ 1848 году. Какъ и Суриковъ, онъ родился въ домѣ своего дѣда, такъ какъ отецъ его почти постоянно былъ на сторонѣ, на заработкахъ. Въ этомъ отношеніи судьба обоихъ поэтовъ замѣчательно сходна; только условія, при которыхъ началъ свою жизнь Дрожжинъ, отличаются отъ того, что воспитывало Сурикова.

Дѣдъ поэта, Степанъ Дрожжинъ, былъ временно обязанный крестьянинъ помѣщика Безобразова; мать и отецъ тоже числились крестьянами. О дѣдѣ Дрожжинъ такъ говоритъ въ своихъ запискахъ:

„Онъ любилъ читать священныя книги и увлекательно рассказывалъ прочитанное или лично пережитое и слышанное имъ, какъ по книгѣ. Онъ далъ возможность выучиться читать и писать моему отцу и остальнымъ двумъ своимъ сыновьямъ. Я это говорю потому, что грамотность въ крестьянскомъ быту въ то время еще считалась излишней роскошью, да и школь-то, кромѣ дьячковскихъ, почти не было“...

Дрожжину, опять-таки, какъ и Сурикову, пришлось быть съ первыхъ же годовъ на попеченіи матери, дѣда и бабушки: отецъ былъ въ Петербургѣ на заработкахъ. Эту пору своей жизни онъ вспоминаетъ съ большой сердечностью; особенно много мѣста удѣлено въ его воспоминаніяхъ бабкѣ, доброй старушкѣ, которую онъ любилъ горячо.

Если она своимъ сердечнымъ отношеніемъ воспитала въ будущемъ поэтѣ мягкую, отзывчивую душу, то дѣдъ-грамотѣй заинтересовалъ ребенка съ другой стороны: онъ позаботился объ его словѣ и пролилъ въ нее знаніе грамоты.

Такое воспитаніе прошло не даромъ: въ Дрожжинѣ очень рано проявилась любовь къ книжкѣ и картинкамъ. Колыбельныя пѣсни, пѣсни деревенской молодежи также привлекали вниманіе мальчика, и онъ, по собственному признанію, „часто задумывался надъ ними, спрашивая себя, откуда берутся пѣсни“; а потомъ приходилъ къ заключенію, что пѣсни есть не что иное, „какъ тѣ же разговорныя слова, которыя только надо произносить нараспѣвъ.“ Такое открытіе побудило юношу попробовать сложить собственную пѣсню, и къ этому времени, вѣроятно, можно отнести пробужденіе въ немъ поэтическаго творчества.

Но бѣдность семьи, гдѣ росъ Дрожжинъ, и обстановка деревенской жизни, затронувъ душу, мало чѣмъ поощряли дальнѣйшее развитіе такихъ наклонностей...

Мы уже говорили, что Дрожжину приходилось

воспитываться на попеченіи бабушки, матери и дѣда; отецъ же, который проживалъ въ столицѣ, изрѣдка появлялся въ деревнѣ. Поэтъ самъ описываетъ свое первое свиданіе съ отцомъ:

„Это было, должно быть, въ самый разгаръ приготовления русскихъ къ „Крымской“ войнѣ, потому что онъ пріѣхалъ изъ Петербурга для вынута жеребья. Дверь избы отворилась, и на порогѣ ея показался молодой, рослый, съ темнорукою бородою мужикъ. Онъ, слегка пошатываясь, снялъ съ головы картузь, перекрестился на образа и послѣ этого началъ кланяться въ ноги отцу и матери; потомъ, поздоровавшись съ братьями, поцѣловалъ мою мать и, пройдя мимо меня, сѣлъ въ передній уголь“...

Мальчугану не понравилось такое невниманіе со стороны отца, и онъ спрятался и появился въ избѣ только уже послѣ долгихъ настояній со стороны матери, тѣмъ болѣе, что она сказала, что отецъ привезъ изъ города книжку съ картинками. „И съ этой книжкой я тогда носился, какъ съ писаной торбой,“—говоритъ далѣе Дрожжинъ. Отца въ то время, по ходатайству и заступничеству бурмистра, навсегда освободили отъ воинской повинности, и онъ вскорѣ опять уѣхалъ въ Петербургъ.

Освободившись отъ солдатчины, отецъ еще рѣже сталъ появляться въ деревнѣ, все время проживая въ Петербургѣ. Жить на два дома, конечно, было не выгодно въ денежномъ отношеніи, а де-

ревенской семьѣ въ особенности. Вотъ что пишетъ Дрожжинъ о достаткахъ своей семьи въ то время:

„Помощь отъ отца, въ то время постоянно жившаго въ Петербургѣ, была плохая, и семья наша, обыкновенно, страшно бѣдствовала. Мать въ одномъ изъ сохранившихся у меня въ бумагахъ писемъ писала отцу, между прочимъ, слѣдующее: „Пойми, мой другъ: какъ въ Питерѣ ни живи, а въ деревнѣ будешь; что тогда тебѣ будетъ пріятнѣе: хорошее или дурное? Ты всегда мнѣ клялся, что будешь жить хорошо, и до сихъ поръ не исполниешь своей клятвы; у Спирюшки нѣтъ ни шубки, ни сапожковъ, также и у меня; а просить свекра не смѣю, потому что въ домѣ одна нужда... Далѣе жена просить мужа дать ей дружескій совѣтъ, какъ выйти изъ этого тяжелаго положенія, но, долго не получая въ отвѣтъ ни письма, ни денегъ, наконецъ, сама рѣшается поѣхать въ Петербургъ.

Не надо забывать, что Спиридонъ Дмитриевичъ росъ въ крестьянской семьѣ, и, понятно, ему не пришлось отказываться отъ того, чѣмъ обыкновенно занята жизнь каждаго крестьянскаго мальчика. На седьмомъ году старшіе начали приучать его къ крестьянской работѣ. Зимой онъ со старшими ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, дѣлая, что по-сильно семилѣтнему мальчику; лѣтомъ же, во время сѣнокоса, ворошилъ и сгребалъ сѣно, подвозилъ къ овину снопы передъ молотьбой и ѣздилъ въ ночное совмѣстно съ деревенскими сверстниками.

Грамотѣ Дрожжинѣ началъ обучаться на восьмомъ году жизни подъ руководствомъ дѣдушки, и быстро научился читать гражданскія и церковныя книги. Начитавшись жизнеописаній святыхъ, онъ и самъ задумалъ-было бѣжать изъ грѣховнаго міра и проповѣдывать слово Божіе; но такія мечтанія, разумѣется, такъ и остались мечтаніями.

Роднымъ его въ это время жилось не легко, и дѣло дошло до того, что хоть по-міру ступай. Такой складъ жизни производилъ сильное впечатлѣніе на внимательнаго Дрожжина. Дѣдъ его долго не рѣшался пойти съ сумою; но пришла бѣда, и дѣлать было нечего. Вотъ какими грустными строками описываетъ Дрожжинъ день, когда дѣду его въ первый разъ въ жизни, на старости лѣтъ, пришлось надѣть на плечи суму и отправиться по-міру.

„Бабушка, всхлипывая и проглатывая слезы, готовилась надѣть ему черезъ плечо только-что заштопанную холщевую торбу. Было рано и темно. Морозный иней блисталъ на окнахъ и въ прогнившихъ углахъ старой дѣдовой избы; дядя Василій, дядя Петръ, раскидавшись на полу, крѣпко спали. Мать, утирая слезы, укачивала мою маленькую сестренку. Скоро дѣдушка, опираясь на суковатую палку, провожаемый плачущей бабушкой, вышелъ изъ избы и, крадучись, скрылся на задворкахъ“...

Этого же случая въ жизни дѣда поэтъ касается впоследствии въ своемъ стихотвореніи „Отдыхъ

крестьянина, — посвящая его памяти дѣда. Ходить по-миру дѣду пришлось все лѣто, до того времени, когда хлѣбъ съ полей былъ убранъ и обмолоченъ.

При такихъ обстоятельствахъ началось дѣтство Дрожжина. Несмотря, однако, на это, у мальчика были свои завѣтные мечтанія. Мы уже говорили, что подъ руководствомъ дѣда онъ выучился читать гражданскія и духовныя книги; но это не удовлетворяло его: онъ слышалъ, что есть какія-то школы, гдѣ обучаютъ дѣтей, — и ему захотѣлось въ школу, учиться тамъ, гдѣ учатся всѣ. На десятомъ году жизни онъ попалъ въ ученье къ дьячку и былъ очень доволенъ, что его желаніе исполнилось. Въ ученѣ Дрожжинъ показалъ свои способности, хотя ему не давалась ариѳметика.

Только нужда въ семьѣ Спиридона Дмитриевича оказывала неблагоприятныя вліянія на его занятія, принося мальчику не мало огорченія. Какъ-то однажды, когда ученики расходились послѣ ученія по домамъ, дьячекъ сказалъ ему, чтобы онъ принесъ за ученіе деньги. Эта просьба сильно опечалила Дрожжина, онъ зналъ денежныя обстоятельства семьи, и теперь задавался вопросомъ: гдѣ же его мать возьметъ денегъ? На другой день, когда надо было идти въ школу, Дрожжинъ снова загрустилъ, но все-таки рѣшился высказать матери свое безпокойство.

— Какія теперь деньги? Гдѣ я ихъ возьму? Вотъ, дастъ Богъ, натку, продамъ одну-другую холстину, тогда и принесу... — отвѣчала мать.

Боясь явиться въ школу безъ денегъ, Дрожжинъ спрятался во дворѣ за дровами, но случайно былъ отысканъ дѣдушкой, который по утру давалъ скотинѣ кормъ. Дѣдъ удивился, что внукъ не въ школѣ, разспросилъ его, почему онъ не пошелъ учиться,—и мальчикъ со слезами на глазахъ повѣдалъ свое горе. Дѣдъ самъ повелъ внука въ школу и упросилъ дьячка подождать деньги.

Вотъ при какихъ невеселыхъ обстоятельствахъ началось ученіе будущаго поэта; но было бы еще не такъ грустно, еслибъ цѣною такихъ непріятностей покупались настоящія знанія; а то вѣдь дьячокъ только и могъ выучить читать, писать да считать. На вторую зиму Дрожжинъ уже не пошелъ къ дьячку учиться, потому что зналъ все, чему могъ тотъ научить.

Въ этотъ же годъ, въ страдную пору возвратился въ деревню и отецъ Спиридона Дмитриевича; но это, вмѣсто радости, принесло одно горе: вернулся онъ безъ копейки денегъ и сильно разгнѣвалъ и дѣда, и братьевъ. Вотъ какъ описываетъ эти семейныя непріятности самъ Дрожжинъ:

„Дѣдушка сидѣлъ, печально опустивъ голову, и, по своему незлобивому характеру, все время только отмалчивался. Дядя Петръ и дядя Василій, поздоровавшись, опять забрались на полати и оттуда съ любопытствомъ поглядывали на моего отца. Когда бабушка и всѣ въ домѣ немного успокоились,—отецъ пошарилъ въ карманѣ широчайшихъ штановъ, досталъ мѣдный пятакъ и, поло-

живъ его къ образамъ, промолвилъ: „Вотъ, это Богу на свѣчку“!.. То былъ послѣдній капиталъ, привезенный имъ изъ Петербурга“.

Послѣ этого случая дѣдъ уже не отпускалъ сына въ столицу и отдалъ его въ работники въ сосѣднюю деревню, говоря: „Не умѣлъ ковать золотомъ, такъ куй молотомъ“...

V.

Зимою того же года въ деревню Низовку пріѣхалъ двоюродный дядя Дрожжина. Жилъ онъ въ Петербургѣ и служилъ половымъ въ гостиницѣ. Дядя сталъ звать съ собою племянника, обѣщая найти ему мѣсто у знакомаго буфетчика одного петербургскаго трактира. Мальчикъ, конечно, не выяснялъ себѣ, что предлагаетъ ему дядя, хотя представлялъ себѣ что-то новое, заманчивое въ большомъ Петербургѣ, о которомъ онъ такъ много слышался отъ старшихъ. Разумѣется, отъѣздъ его былъ рѣшенъ старшими, и его начали снаряжать вмѣстѣ съ дядею. Въ ноябрѣ 1860 года Дрожжинъ былъ увезенъ изъ родной Низовки въ далекій городъ.

Сначала пришлось ѣхать на лошадахъ, а потомъ до конца пути по желѣзной дорогѣ.

„Когда подошелъ поѣздъ и мнѣ нужно было садиться въ вагонъ, мать начала меня цѣловать, крестить и плакать. Я крѣпился и не показывалъ

слезь до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не тронулся съ мѣста; и тутъ только почувствовалъ я свое одиночество и далъ полную волю слезамъ“. Такъ вспоминаетъ прощанье съ матерью Дрожжинъ. Не на радость, однако, судьба закинула его въ сѣверную столицу.

Дядя привезъ его къ своему родному брату, Прохору Иванову, который служилъ въ номерахъ большой гостиницы „Европа“. Тотъ представилъ его самому буфетчику.

„Прохоръ Ивановичъ велѣлъ поклониться ему въ ноги, я поклонился,—пишетъ въ своихъ запискахъ Дрожжинъ.—Старичокъ съ доброй улыбкой потрепалъ меня ласково по головѣ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, какъ слѣдуетъ вести себя мальчику на службѣ, и отвелъ на черную полувину, въ отдѣленіе, такъ называемое „Кавказъ“.

„Кавказъ“ посѣщали, обыкновенно, извозчики, рабочіе и спившаяся столичная бѣднота. Это было смрадное, грязное и всегда шумное помѣщеніе,—и мальчика, привыкшаго къ деревенскому простору, сразу привела въ уныніе такая обстановка. Здѣсь же онъ впервые въ жизни долженъ былъ угождать пьянымъ посѣтителемъ гостиницы и старшимъ половымъ, выслушивать ихъ брань и даже выносить тяжелые побои; а за всѣ эти мытарства онъ получалъ всего два рубля въ мѣсяць. Но разъ ужъ онъ попалъ въ эту обстановку, то волей-неволей ему пришлось дѣлать все, что лежало на обязанности слуги-мальчика въ грязномъ

трактирѣ. Вставалъ онъ въ четыре часа утра и былъ на ногахъ до 11—12 часовъ ночи. Когда трактиръ запирался, ему приходилось мыть полы, убирать комнаты, такъ что на сонъ оставалось не болѣе 3—4 часовъ въ сутки.

Среди такой угрюмой и убійственной обстановки, единственной радостью двѣнадцатилѣтняго Дрожжина было, въ минуты отдыха, помечтать о родной деревнѣ и о томъ, какъ жилось подъ кровомъ добраго дѣда. Онъ находилъ себѣ утѣшеніе и въ стѣнахъ своего новаго грязнаго жилья. Часто въ гостиницу заходили разносчики и книгоноши съ большими коробами и корзинами, въ которыхъ находились для продажи книги и картины. Въ продолженіе дня мальчику удавалось иногда скопить нѣсколько копеекъ, получаемыхъ имъ отъ посѣтителей „на чай“, и вотъ на эти деньги онъ сталъ покупать себѣ книги и картины. Но заниматься чтеніемъ ему удавалось рѣдко, урывками, между дѣломъ; да и буфетчику не нравилось, когда служащіе отвлекались отъ дѣла чѣмъ-нибудь постороннимъ.

При прежнемъ буфетчикѣ, старикѣ, Дрожжину жилось еще сносно; но вотъ поступилъ новый буфетчикъ, молодой Юматовъ, который со всѣми своими подчиненными сталъ обращаться грубо, безчеловѣчно. Каково было обращеніе буфетчика, можно судить по слѣдующимъ строкамъ, взятымъ изъ записокъ самого Дрожжина.

„Если, напримѣръ, онъ замѣчалъ меня читаю-

щимъ какую-нибудь книгу, то вырывалъ ее изъ рукъ и таскалъ за это такъ немилосердно за волосы, что голова пухла. Сильно досталось мнѣ отъ него за чтеніе взятой мною у одного слуги рукописи народной комедіи: „Царь Максимилианъ“. Онъ мало того, что меня избилъ, но и рукопись и всѣ книги, какія находились въ моемъ комодѣ, отнял и сжегъ въ печкѣ. Послѣ этого вновь купленныя книги я сталъ отъ него прятать подале и читать ихъ съ большою предосторожностью“.

Чтобы избѣжать всѣхъ такихъ неприятностей, Дрожжинъ отыскалъ себѣ укромный уголокъ, гдѣ можно было и помечтать о деревнѣ, и почитать книги. Рядомъ съ той комнатою, гдѣ ему приходилось услуживать посѣтителемъ, находилась полутемная комнатка, съ столомъ и грязнымъ изломаннымъ диваномъ. Здѣсь нерѣдко Дрожжинъ напѣвалъ и пѣсни: онъ любилъ ихъ пѣть, выучившись еще въ деревнѣ, да и голосъ у него былъ хорошій.

Разъ какъ-то онъ пѣлъ веселую пѣсню, и пѣнье услышалъ буфетчикъ, притаившійся за дверь; когда пѣвецъ кончилъ, буфетчикъ появился въ дверяхъ и, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію поругать подручнаго, потрепалъ его по головѣ и попросилъ спѣть другую пѣсню. И пѣсня мальчика размягчила сердце буфетчика: потомъ онъ сталъ относиться къ нему лучше; онъ даже, какъ рассказываетъ самъ поэтъ, „сталъ меня брать

на свои ночные кутежи съ пріятелями и заставлялъ пѣть, за что поилъ сладкой водкой и, при всей своей скупости, давалъ мнѣ по рублю на чай“. Такимъ образомъ, Спиридонъ Дмитріевичъ получилъ нѣкоторую свободу, но приобрѣлъ это немалыми униженіями.

Въ 1863 году жизнь его измѣнилась къ лучшему. Изъ гостиницы ему довольно часто приходилось бѣгать за покушками въ сосѣднюю табачную лавочку. Хозянкѣ этой лавочки понравился Дрожжинъ, и она предложила ему перейти къ ней на службу. Тотъ охотно согласился на предложеніе, но прежде, чѣмъ перейти на новое мѣсто, ему захотѣлось побывать въ родной Низовкѣ. Наступилъ часъ расчета съ прежнимъ хозяиномъ, и тутъ новое горе обрушилось на него. Заработано имъ было въ трактирѣ 35 рублей, а буфетчикъ заплатилъ ему всего только 10 рублей, говоря, что остальные уже давно забраны. О поѣздкѣ въ деревню съ такими деньгами, конечно, нечего было и думать, и Спиридону Дмитріевичу пришлось поступить на службу въ табачную лавку.

На новомъ мѣстѣ служенія у него оставалось больше свободнаго времени для чтенія и рисованія, да и новые хозяева въ этомъ его не стѣсняли. Здѣсь же ему удалось прочесть книги лучшія, нежели онъ читалъ раньше; въ первый разъ, напримѣръ, познакомился онъ со стихотвореніями поэта Некрасова.

На семнадцатомъ году прочелъ онъ какъ-то въ журналѣ „Искра“ одно стихотвореніе; и ему самому захотѣлось написать что-нибудь подобное. Въ первомъ своемъ стихотвореніи онъ выразилъ всю свою тоску по деревнѣ; стихотвореніе, однако, не понравилось ему, и послѣ этого онъ еще долго не пытался что-нибудь написать.

Съѣздивъ весной 1865 г. въ родную деревню и возвратившись снова въ Петербургъ, Дрожжинъ поступилъ въ большой табачный магазинъ. Тутъ онъ сталъ получать больше жалованья, и это давало ему возможность покупать книги. Онъ покупалъ себѣ книги по исторіи литературы, критическія сочиненія и нѣкоторыя произведенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей; потомъ записался въ бібліотеку, гдѣ могъ найти много книгъ съ разнообразнымъ содержаніемъ. Къ этому-то времени его жизни и можно отнести начало его поэтической дѣятельности.

VI.

Съ тѣхъ поръ, съ весны 1867 года, мы замѣчаемъ большую перемѣну въ жизни девятнадцатилѣтняго юноши. Писаніе стиховъ, дневникъ, который онъ сталъ вести съ этихъ лѣтъ, и чтеніе — поглощали весь его досугъ. Онъ прочелъ стихотворенія Кольцова, Никитина, Шевченко, и въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ изъ народа нашелъ

много близкаго себѣ: ихъ поэзія подходила къ настроеніямъ Дрожжина, а ихъ жизнь, ихъ дѣтство имѣли много сходнаго съ его жизнью.

Вскорѣ у Спиридона Дмитріевича завязалось знакомство со студентами. Жизнь студентовъ, полная умственныхъ интересовъ, полная горячихъ рѣчей и споровъ, увлекла его.

Но Дрожжинъ по своему относился къ этой новой жизни. Она не вполнѣ удовлетворяла его, и ему хотѣлось все новаго и новаго. Вотъ что онъ писалъ въ дневникѣ:

„И въ самомъ дѣлѣ, ужели эту жизнь, среди которой мнѣ приходится барахтаться, какъ глупому утенку въ грязномъ болотѣ, можно еще называть жизнью?.. Такъ она тяжело и мучительно двигается!.. Но и то сказать, не броситься же изъ-за этого въ воду! Нужно жить, трудиться и терпѣть, а терпѣніе и любовь къ сознательному труду все превозмогутъ“.

Такая вѣра въ себя и въ сознательный трудъ сильно поддерживала Спиридона Дмитріевича въ теченіе тяжелыхъ лѣтъ его юности. Своимъ дневникомъ за это время онъ знакомитъ съ подробностями своей жизни, дѣлаетъ указанія на книги, которыя ему удалось прочесть, говорить о впечатлѣніи, какое онъ вынесъ при чтеніи ихъ; здѣсь же въ дневникѣ мы находимъ описаніе исторіи, за которую онъ былъ уволенъ изъ табачнаго магазина. Выписываемъ дословно:

„Сегодня, въ два часа пополудни, по порученію

приказчика, я пришелъ изъ магазина на фабрику съ требованіями табаку, и въ ожиданіи, пока готовятъ табакъ, подошелъ къ своему, тутъ же работавшему, другу Сократу и сталъ съ нимъ разговаривать. Замѣтивъ это, управляющій фабрикою громко и сердито приказалъ мнѣ отойти отъ друга и дожидаться около двери. Я не исполнилъ приказанія управляющаго и продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ; тогда онъ разсвирѣпѣлъ и, подойдя ко мнѣ, схватилъ меня за воротъ, что подало мнѣ поводъ сказать ему много рѣзкихъ словъ и отказаться отъ должности“. „Главный управляющій уговариваетъ меня просить прощенія у управляющаго фабрикою и остаться; но я упорно стою на своемъ, порѣшивъ лучше голодать, чѣмъ просить прощенія у человѣка, котораго я давно не выносилъ за его грубыя отношенія къ рабочимъ и въ особенности къ мальчикамъ, которыхъ онъ за малѣйшую ошибку то и знай награждалъ толчками и подзатыльниками“.

Уволившись изъ магазина, Дрожжинъ испыталъ всѣ неудобства бездомной, скитальческой жизни; оставшись безъ денегъ, онъ принужденъ былъ распродать часть своихъ книгъ, чтобы какъ-нибудь перебиться до новаго заработка. Вскорѣ ему удалось было опредѣлиться въ табачную торговлю прежняго хозяина; но тутъ, къ несчастію, онъ заболѣлъ, пролежалъ въ больницѣ, а по выходѣ оттуда снова очутился на улицѣ, безъ денегъ и безъ занятій. Эти скитанія, впрочемъ, не

долго продолжались, и Дрожжинъ снова поступилъ въ магазинъ одного нѣмца. Осенью того же года Спиридонъ Дмитриевичъ послалъ въ редакцію „Иллюстрированной Газеты“ нѣсколько своихъ стихотвореній, и вскорѣ получилъ отъ редактора газеты письмо, съ увѣдомленіемъ, что стихотворенія еще слабы и не годятся для напечатанія, но что пусть авторъ продолжаетъ писать и тогда что-нибудь выйдетъ.

Первая попытка напечататься, окончившаяся неудачей, сильно опечалила юнаго поэта; въ это же время пришлось уйти изъ магазина нѣмца и снова очутиться на улицѣ съ 2 рублями и 45 копейками въ карманѣ. Дрожжинъ поселился въ „углѣ“ и сталъ жить, продавая остатокъ книгъ и кое-какихъ вещей. Такъ продолжалось до весны, когда ему вновь удалось поступить въ качествѣ полового въ одно изъ лѣтнихъ увеселительныхъ заведеній. Заведеніе это впрочемъ скоро было закрыто, и только въ іюлѣ мѣсяцѣ Дрожжину удалось опять куда-то поступить половымъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ была знакома ему трактирная жизнь, теперь она уже перестала пугать его, а все-таки къ осени онъ заскучалъ и отправился въ деревню, къ роднымъ. Въ деревнѣ онъ встрѣтилъ прежнюю бѣдность и вскорѣ принужденъ былъ уѣхать.

Вмѣстѣ съ матерью отправился онъ въ Москву пѣшкомъ, а Москва находилась отъ деревни въ 130 верстахъ. Сколько мукъ, неудовольствій, холода

и голода надо было испытать, чтобы преодолѣть эти 130 верстѣ, съ грошами въ карманѣ, да еще въ пасмурную и холодную осень!.. Но и въ Москвѣ ничего хорошаго не ожидало. Мать, проживши нѣсколькихъ дней, отправилась обратно въ деревню, а Спиридонъ Дмитріевичъ остался въ Москвѣ и, въ ожиданіи заработка, поселился у одного своего пріятеля.

Затѣмъ мы видимъ Дрожжина — то лакеемъ у помѣщика, то секретаремъ у какого-то князя, то опять приказчикомъ табачной лавки въ Петербургѣ. Но вотъ одинъ купецъ сманилъ Дрожжина поѣхать къ нему на табачную фабрику въ Ташкентъ! По его словамъ, вотъ что вышло изъ этого новаго путешествія:

„Хозяинъ мой былъ армянинъ и оказался человекомъ въ высшей степени черствымъ и деспотическимъ. Особенно отъ него доставалось рабочимъ фабрики, набраннымъ и привезеннымъ, подобно мнѣ, изъ Петербурга. Я, глядя на ихъ горемычное житье, въ августѣ 1875 года написалъ свои „Пѣсни рабочихъ“, самъ же страшно затосковалъ по Россіи, и когда, въ сентябрѣ того же года, старикъ предложилъ мнѣ подъ видомъ закупки товаровъ ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, то я согласился съ радостью...“

Вернувшись изъ Ташкента въ Россію, Спиридонъ Дмитріевичъ поѣхалъ на родину въ Низовку и здѣсь вскорѣ женился. Послѣ женитьбы онъ по-

ступилъ въ школу молочнаго хозяйства Верещагина, въ Тверской губерніи.

Помимо работы по школѣ, здѣсь онъ могъ пользоваться библіотекою Верещагина и, такимъ образомъ, поддерживать пробудившуюся въ немъ страсть къ знанію, стѣсненную неудобствами постоянныхъ скитаній. Писать стихи онъ не переставалъ. Написанныя имъ въ это время стихотворенія: „Жалоба мастерового“ и „Пѣсни рабочихъ“ — часто распѣвались учениками и ученицами школы.

Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ выразилась его „Жалоба мастерового“.

„Я жилъ и только мучился,
Да горе выносишь,
Работалъ, что есть моченьки,
До изнуренья силъ;
Кормилъ семью и старостѣ
Выплачивалъ оброкъ:
Вдругъ что-то занеможилось,
И я въ больницу легъ“.

Кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаются такіе случаи:

„...Вдругъ вывѣска „роспивочно“
Мнѣ бросилась въ глаза...“
Погрѣться развѣ?! — думаю,
И, ускоривъ свой шагъ,
Я въ эту ночь угрюмую
Отправился въ кабакъ...“

Много въ жизни мастерового жалобъ, много скитаній, нужды, горя и угрюмыхъ ночей; и поневолѣ эти ночи гонятъ его въ кабакъ, гдѣ и уютнѣе, и милѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ подвалѣ.

VII.

Изъ нашего краткаго изложенія читатель, вѣроятно, составилъ понятіе о томъ, какъ слагалась жизнь Дрожжина. Онъ постоянно скитается съ мѣста на мѣсто: то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ; былъ онъ и половымъ въ трактирѣ, и приказчикомъ, и лакеемъ, и ученикомъ школы молочнаго хозяйства... Судьба не давала покоя Дрожжину и послѣ того, какъ онъ обзавелся семьею.

Въ школѣ Верещагина онъ пробылъ только до осени и снова уѣхалъ въ Петербургъ, опредѣлившись на табачной фабрикѣ папироснымъ укладчикомъ, то-есть, перейдя уже на новое положеніе, на положеніе фабричнаго рабочаго. На фабрикѣ онъ, однако, пробылъ недолго, подрядившись въ табачную торговлю Горшкова за десять рублей въ мѣсяць. Здѣсь, кромѣ торговли въ магазинѣ, ему приходилось еще разносить и развозить по другимъ магазинамъ ящики съ товаромъ.

Изъ дневника поэта за это время видно, что онъ все-таки не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій; каждую свободную минуту его тянуло къ нимъ, и каждая минута радости или горя запечатлѣвалась имъ въ какомъ-нибудь стихотвореніи. Жизнь постоянно тревожила его душу, западая глубоко и не давая покоя мысли.

„Что такое жизнь? — спрашиваетъ онъ самъ себя въ дневникѣ, — ужели только, чтобы жить въ вѣчной борьбѣ за существованіе и умереть, не оста-

вивъ по себѣ ничего, ничего? Мы, умирая, должны вѣрить въ будущее и съ нимъ въ лучшую жизнь грядущихъ поколѣній...“

Онъ задавалъ эти вопросы самому себѣ, а отвѣты на нихъ находилъ и въ окружающей дѣйствительности, и въ книгахъ, которыя ему приходилось прочитывать. Въ другомъ мѣстѣ дневника онъ выражается уже такъ:

„Какъ бы хорошо намъ жилось,—говоритъ онъ,—если бы изъ насъ сильные не обижали слабыхъ. „Возлюбимъ другъ друга“, — что значитъ: безъ различія религіи и народности, соединимся въ одну семью и будемъ жить, какъ одинъ человѣкъ. Вотъ гдѣ предѣлъ человѣческому стремленію къ счастью на землѣ“.

Только на тридцатомъ году жизни Спиридону Дмитриевичу удалось войти въ петербургскіе литературные кружки. Случайно онъ познакомился со многими литераторами, и первый вечеръ въ жизни провелъ, слушая интересные для него литературные разговоры. Онъ читалъ передъ собраніемъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, и съ этихъ поръ стихотворенія Дрожжина стали появляться въ лучшихъ газетахъ и журналахъ того времени.

Казалось, что теперь, наконецъ, жизнь улыбнулась поэту, но не тутъ-то было: его преслѣдовалъ какой-то неумолимый рокъ. Магазинъ, гдѣ онъ служилъ, неожиданно закрылся, и ему опять пришлось остаться безъ мѣста. Онъ поѣхалъ на родину,

но и тамъ его ожидала невеселая встрѣча, о которой онъ пишетъ въ своихъ запискахъ такъ:

„Отецъ и мать, не видя никакой помощи, приняли меня крайне недружелюбно, почти каждый день дѣлали мнѣ очень непріятныя сцены и не давали возможности ни читать, ни писать. На мои занятія литературою они по-прежнему смотрѣли, какъ на пустую забаву и безцѣльное препровожденіе времени. Въ будни я исполнялъ всѣ полевые работы, а въ праздничные и воскресные дни, чтобы избѣжать домашнихъ сценъ, уходилъ въ лѣсъ и тамъ на свободѣ читалъ или записывалъ свои горькія думы“.

Осенью, однако, Дрожжину снова удалось уѣхать въ Петербургъ и поступить приказчикомъ. Старыя литературныя знакомства его возобновились, и онъ, съ облегченной душой, зажилъ въ обществѣ литераторовъ. Въ это время и денежные обстоятельства его улучшились: за свои стихотворенія онъ получалъ нѣкоторое денежное вознагражденіе, а вскорѣ черезъ знакомыхъ получилъ мѣсто на желѣзной дорогѣ. Однако и это счастливое время продолжалось не долго: снова пришлось лишиться мѣста и опять перебиваться съ копейки на копейку; непріятность положенія осложнялась еще тѣмъ, что на рукахъ была семья.

Такъ жилъ Дрожжинъ до 1884 года, и потомъ снова уѣхалъ въ деревню, порѣшивъ уже окончательно поселиться въ Низовкѣ. „Что-то ждетъ меня въ деревнѣ?“—задаетъ онъ себѣ вопросъ, по-

кидая столицу, гдѣ пришлось вынести столько мятарствъ и скорби; а прїѣхавъ въ деревню, пишетъ: „Все то же, только я не тотъ: не прежняя во мнѣ сила, энергія,—утратилась она, размоталась, по чужимъ людямъ со мною живучи, на чужой стороншкѣ скитаючись, безталанною головушкой умаразума набираючись“.

Къ такимъ грустнымъ размышленіямъ привела жизнь, а вѣдь ему было только тридцать лѣтъ, и впереди ждала еще добрая половина жизни.

Въ деревнѣ Спиридонъ Дмитріевичъ принялся за трудъ наравнѣ съ братьями и отцомъ. Сперва новая работа не спорилась въ его рукахъ; но потомъ онъ скоро привыкъ и, сколько ни смѣялись надъ его работой крестьяне,—скоро, однако, перемѣнили о немъ мнѣніе. вмѣстѣ съ этимъ, Спиридонъ Дмитріевичъ началъ появляться на сельскихъ сходахъ, разсуждать и обсуждать дѣла низовскаго общества, и крестьяне убѣдились, что Дрожжинъ—ихъ человекъ, настоящій крестьянинъ. Проживши нѣсколько лѣтъ въ городѣ и насмотрѣвшись на жизнь, развившись при чтеніи книгъ, отъ занятія литературою и въ бесѣдахъ съ образованными людьми, онъ, конечно, могъ принести крестьянамъ много пользы.

Спиридонъ Дмитріевичъ и понынѣ живетъ въ своей Низовкѣ, занимаясь хлѣбопашествомъ и не оставляя своихъ прежнихъ литературныхъ занятій. Чтобы показать, какъ, наконецъ, установилась деревенская жизнь Дрожжина, сдѣлаемъ выписку

изъ дневника его въ годъ переселенія въ деревню.

„Скоро два мѣсяца, какъ я не бралъ пера въ руки. Косьба и уборка сѣна, вторичная пашня подъ озимь, возка съ поля сноповъ и молотьба — мнѣ просто не давали вздохнуть. А тутъ еще вдобавокъ семейныя непріятности, о которыхъ не только что писать, но и говорить не хочется. Сегодня были получены: августовская книжка „Русскаго Богатства“ и сентябрьская „Русской Старины“, гдѣ началось печатаніе моей автобіографіи. Редакторомъ, при вступленіи къ ней, предпослано нѣсколько теплыхъ словъ обо мнѣ, которыя такъ сильно подействовали на моего отца, что онъ, прочитавъ ихъ, поцѣловаль меня и прослезился“...

Этой выпиской мы закончимъ наше бѣглое жизнеописаніе Дрожжина. Такимъ образомъ, мы застаемъ его въ деревнѣ, трудящимся хлѣбопашцемъ и челоукомъ, не прерывающимъ связи съ книгою, которая только и сумѣетъ просвѣтить нашъ темный деревенскій людъ...

VIII.

Въ концѣ книги мы приводимъ для читателя нѣкоторыя изъ лучшихъ стихотвореній Сурикова и Дрожжина; но раньше этого намъ хотѣлось бы еще немного побесѣдовать объ этихъ стихотвореніяхъ и вкратцѣ указать, что они отмѣчаютъ.

Читатель уже знаетъ, что жизнь обоихъ поэтовъ во многомъ сходна; сходство найдется и въ ихъ

произведеніяхъ, писанныхъ подѣ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній жизни.

„Нѣтъ, мнѣ не весело ничуть,
Когда въ измученную грудь
На краткое мгновенье
Нисходитъ вдохновенье...“

Такъ говорить о себѣ Дрожжинъ. Почему это такъ? Вѣдь каждый писатель страстно любитъ свое созданіе, вылившееся изъ его души, а самая работа для него — отрада, утѣшеніе и величайшее наслажденіе... Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ другомъ стихотвореніи поэта, гдѣ онъ замѣчаетъ:

„Какъ листокъ оторванъ
Съ вѣточки родимой,
Безъ пути, безъ воли
Бурею гонимый, —
Такъ и я по свѣту
Вѣдому скитаюсь,
Не живу, а только,
Горемычный, маюсь...“

Точно также и Суриковъ говорить, что ему трудно живется, что онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ горя, — и мы находимъ у него стихотвореніе, полное самыхъ отчаянныхъ жалобъ:

„Черствѣетъ сердце, меркнетъ умъ...
Грудь надрывается отъ боли...
Подъ гнетомъ горькихъ чувствъ и думъ
Поется грустно поневолю...
Мнѣ негдѣ думъ отрадныхъ взять:
Кругомъ меня мертво и сухо.
Тамъ трудно мыслить и дышать,
Гдѣ стонъ и вопли слышитъ ухо...“

Вопли и стоны мѣшаютъ поэту мыслить и дышать, почему и не ждите отъ него „свѣтлыхъ пѣсенъ любви“, — онъ можетъ пѣть только грустныя пѣсни, „какъ осенніе дни“, тоскливыя и полныя муки...

Таковы пѣсни обоихъ поэтовъ, похожія на ихъ жизнь, которая слагалась подъ звуки вопля и стога, только печально, только мучительно...

Дѣтство свое Суриковъ вспоминаетъ во многихъ стихотвореніяхъ, относящихся уже къ послѣдующему времени его литературной дѣятельности. „Дѣтства прошлаго картины! — восклицаетъ онъ: — только вы свѣтлы; выступаете вы ясно изъ сердечной мглы“... Такъ бываетъ съ человѣкомъ нерѣдко: чѣмъ дальше отодвигается отъ него прошлое, тѣмъ дороже становится оно, и чѣмъ безотраднѣе жизнь настоящаго, тѣмъ чаще думы уносятся къ минувшему. Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ юности, поэтъ опять спрашиваетъ: „Гдѣ ты, моя юность? гдѣ ты, моя сила?“ — и въ отвѣтъ на эти поздніе вопросы рисуетъ обстановку своей грязной и сырой каморки, гдѣ жена его трудится, и охаетъ больная мать. Въ тяжелыя минуты жизни, чаще, чѣмъ когда-нибудь, его тянуло изъ шумнаго города за городскія заставы, въ тишину полей и лѣсовъ.

„На ширь глухихъ полей, подъ тѣнь лѣсовъ густыхъ
Душа моя рвалась, — измучена тревогой, —
И, можетъ быть, вдали отъ горькихъ слезъ людскихъ,
Я создалъ бы въ тиши здѣсь свѣтлыхъ пѣсенъ много...“

Къ сожалѣнію, рѣдко удавалось ему освѣжаться природой любимой деревни,—и онъ опять и опять приходитъ къ грустнымъ размышленіямъ:

„Все убито во мнѣ суетой и нуждой,
Все закидано грязью столицы;
Въ книгѣ жизни моей нѣтъ теперь ни одной
Освѣжающей душу страницы...
И хотѣлось бы мнѣ отъ тревогъ отдохнуть
Въ тишинѣ деревенской природы,
На людей и на міръ посвѣтлѣе взглянуть,
Какъ глядѣлось мнѣ въ прошлые годы..
Но напрасно желанье мнѣ душу гнететь:
Точно кроюсь отъ быстрой погони,
По дорогѣ прямой все впередъ и впередъ
Мчатъ меня неустанные кони...“

Жизнь — какъ „неустанные кони“, — это справедливо по отношенію всѣхъ; и какая бы ни была дорога жизни, прямая ли, торная, или обставленная препятствіями, — мы все-таки стремимся впередъ, изнашиваясь въ борьбѣ за желанное счастье. Такова природа человѣка, и въ этомъ стремленіи впередъ и есть *сама* жизнь, *само* счастье!...

Дрозжинъ больше Сурикова наблюдалъ жизнь деревни, и въ его стихотвореніяхъ также не мало сочувствія своей, рано оставленной колыбели. Какъ и Суриковъ, онъ любилъ тишину полей, красивые разноцвѣтные ковры луговъ, тѣнистые лѣса, — и въ этой обстановкѣ находилъ успокоеніе отъ городской сумятицы. Но ему, какъ и его собрату, не одно лишь пріятное воплощалось въ деревнѣ.

Стихотвореніе „Сонъ труженика“ поэтъ начинается такими словами:

„Господи, сколько работы, —
Некогда даже вздохнуть!
И отъ нужды и заботы
Вся истомилася грудь!..“

Тѣ, кто связанъ съ деревней самымъ трудомъ, поймутъ, что это за деревенскія заботы и нужды, которыя томятъ грудь. Деревенскому труду посвящены и другія стихотворенія: „Въ страду“, „Двѣ поры“, „Дума“ и т. д. Всѣ эти стихотворенія, затрагивая разныя стороны деревенской жизни, проникнуты однимъ и тѣмъ же сочувствіемъ къ трудящемуся и навѣяны одной и той же думой:

„Ой, ты, горе мое,
Горе лютое!..
Ходишь ты въ кафтанѣ,
Не обутое...“

Деревенское горе Дрожжинъ замѣчаетъ и тамъ, гдѣ другой наблюдатель увидѣлъ бы простой печальный случай. Вотъ, на примѣръ, стихотворенія: „Смерть коня-пахаря“ и „Пахарь“. Въ первомъ изъ нихъ мы находимъ описаніе одной изъ обычныхъ деревенскихъ картинокъ. Что въ самомъ дѣлѣ удивительнаго въ смерти коня-пахаря? Развѣ мало ихъ гибнетъ по деревнямъ изъ года въ годъ? И развѣ можно замѣтить ихъ смерть, если мы привыкли, что и люди гибнуть ежеминутно!.. Но поэтъ говорить:

„Много лѣтъ мужику была сивка вѣрна, —
Вмѣстѣ голодь и трудъ выносили, —“

Литературно - биографическіе очерки, избранныя сочиненія
русскихъ писателей.

I. А. С. ПУШКИНЪ.

- А. С. ПУШКИНЪ.** Чтеніе для школь и народа, *Д. И. и Е. Н. Тихомировыхъ*: I. Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ? II. Изъ жизни А. С. Пушкина. III. Изъ сочиненій А. С. Пушкина. Изд. 13-е. Ц. 10 к. **Одобрена** У. К. М. Н. П. для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низш. учебн. завед., для безпл. народн. чит. и библи. и для публ. народныхъ чтеній. (Отношеніе № 15607, отъ 21 мая 1904 года).
- ПУШКИНЪ, А. С.** Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. Е. Н. Тихомировой. Младшій возрастъ. Съ биографическимъ очеркомъ. Изд. 10-е. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библи. низш. учил. (Отнош. № 26065, отъ 12 октября 1904 г.).
- Портреть А. С. ПУШКИНА.** Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. народ. библи. и чит. (Отнош. № 4011, отъ 26 марта 1905 г.).

II. В. А. ЖУКОВСКІЙ.

- Жизнь и труды В. А. Жуковскаго.** Чтеніе для школь и народа. *Д. И. Тихомирова.* Съ портретами. 3-е издание. Ц. 10 к. Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній книга **рекомендована** для чтенія кадетамъ III, IV, V, VI и VII классовъ. (Циркуляръ № 31, 27 июня 1902 г. „П. Сб.“). О. О. У. К. М. Н. П. книжка **допущена** въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и для безпл. народн. читал. и библиот. (Отнош. № 15609, отъ 21 мая 1904 г.).

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ:

Первый сборникъ. Сказки, басни и загадки. Ц. 10 к.	} О. О. У. К. М. Н. П. допущены всѣ три въ учен. библиот. низшихъ училищъ. (Отношеніе № 25442, отъ 25 сентября 1904 года).
Второй сборникъ. Сказанія, преданія и повѣсти. Ц. 7 к.	
Третій сборникъ. Изъ жизни и природы Ц. 4 к.	
- Портреть В. А. Жуковскаго.** Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. народ. библи. и чит. (Отнош. № 4011, отъ 26 марта 1905 года).

III. Н. В. ГОГОЛЬ.

- О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ.** *Д. И. Тихомирова.* Съ портретомъ Гоголя, факсимиле и собственноручнымъ рисункомъ. Изданіе 9-е. Ц. 10 к. У. К. М. Н. П. книжка **допущена** въ ученич. библиот. среднихъ и низш. учебныхъ заведеній, въ безпл. народн. читальни и библи. и для чтеній въ народн. аудитор. (Отнош. № 1090, отъ 11 января 1902 года).
- Первый сборникъ. Содержаніе:** I. Сорочинская ярмарка. II. Майская ночь или утопленница. III. Ночь подъ Рождество. IV. Днѣпръ, 2-е изд. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библи. средн. и низш. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библи. (Отнош. № 850, отъ 6 апрѣля 1904 г.).
- Второй сборникъ. Содержаніе:** I. Старосвѣтскіе помѣщики. II. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. III. Шинель. 2-е изд. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библи. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библи. (Отнош. № 850, отъ 6 апрѣля 1904 года).

Третій сборникъ. Содержаніе: I. Тарасъ Бульба. II. Жизнь. 2-е изд. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ. (Отнош. № 850, отъ 6 апрѣля 1904 г.).

Портретъ Н. В. Гоголя. Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. нар. библ. и чит. (Отнош. № 4011, отъ 26 марта 1905 г.)

IV. И. А. КРЫЛОВЪ.

Избранныя басни. Съ предислов. Д. И. Тихомирова Съ портретъ. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ. (Отнош. № 23098, отъ 30 іюля 1903 года).

Портретъ И. А. Крылова. Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. народ. библ. и читал. (Отн. № 4011, отъ 26 марта 1905 г.)

V. Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Николай Аленѣевичъ Некрасовъ. Чтеніе для школь и народа. Д. И. Тихомирова. 4-ое изд. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библ. низш. учил. (Отн. № 13835, отъ 30 апрѣля 1904 г.)

Портретъ Н. А. Некрасова. Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. народ. библ. и читал. (Отн. № 4011, отъ 26 марта 1905 г.)

VI. М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Михаиль Юрьевичъ Лермонтовъ. Стихотворенія, избранныя Д. И. Тихомировымъ. Ц. 15 к.

Портретъ М. Ю. Лермонтова. Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. нар. библ. и чит. (Отн. № 4011, отъ 26 марта 1905 г.)

VII. А. В. КОЛЬЦОВЪ, И. С. НИКИТИНЪ, Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Самородки—пѣвцы народной жизни. Сборн. избран. стихотв. съ біогр. для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учител. библиот. низш. училищъ. (Отнош. № 7821, отъ 19 марта 1908 г.)

Портреты А. В. Кольцова, И. С. Никитина и Т. Г. Шевченко. Цѣна по 3 к. за портр. О. О. У. К. М. Н. П. **допущены** въ бесплатн. народн. библиот. и читальни.

VIII. Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Первый сборникъ рассказовъ для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.—Ильясь.—Чѣмъ люди живы.—Большая Медвѣдица.—За что? Ц. 20 к.

Второй сборникъ рассказовъ. Упустишь огонь, не потушишь.— Два старика.—Много ли челоуѣку земли нужно.—Зерно съ куриное яйцо.—Крестникъ.—Камни.—Какъ чертенокъ краюшку выкупаль.— Суратская кофейня. Ц. 25 к.

Портретъ Л. Н. Толстого. Ц. 3 к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущенъ** въ безпл. народ. чит. и библ. (Отн. № 7427, отъ 10 іюня 1905 г.)

IX. А. Н. МАЙКОВЪ и Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Біографіи и избранныя стихотворенія, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

X. А. К. ТОЛСТОЙ, А. А. ФЕТЬ и Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Біографіи и избранныя стихотворенія, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Ц. 25 к.

Подробный каталогъ книгоиздательства и проспектъ журнала „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ высылаются бесплатно.

д
и
гъ
въ
ет.
и
98.
нъ
г.).
да
на
г.)
въ
г.)
И.
нъ
).
).
съ
к.
щъ.
но.
тн.
ред.
оди
е.
ное
е.
въ
аю-
аю-
ная

С
в
у

1
6

н

М

С
В
С
Е
С
Е
С
Т

U

Cladonia

Cladonia

1805

1805

1805

1805

1805

1805

1805

1805

1805

1805

1805

1805

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Въ Общ. Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ въ спискѣ по предварительной подпискѣ, въ училищескія бібліотеки среднихъ и высш. завед., въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатн. народн. читальни и бібліотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

Книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

Золотыхъ приложений.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ.

Нар. Просв. разрѣшенъ для учит. лѣтк., библи. и безпл. народн.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“)	„Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“)
безъ „Педаг. Листка“	съ „Педаг. Листкомъ“
Безъ доставки на годъ 4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ 4 р. 50 к.
Съ дост. и перес. на годъ 5 „ — „	Съ дост. и перес. на годъ 5 „ — „
Безъ доставки на 1/2 года 3 „ 50 „	Безъ доставки на 1/2 года 3 „ 50 „
Съ доставк. и пер. на 1/2 года 3 „ 75 „	Съ доставк. и пер. на 1/2 года 3 „ 75 „
Безъ доставки на 1/4 года 2 „ 25 „	Безъ доставки на 1/4 года 2 „ 25 „
Съ дост. и перес. на 1/4 года 2 „ 50 „	Съ дост. и перес. на 1/4 года 2 „ 50 „
Безъ доставки на 1/2 года 1 „ 15 „	Безъ доставки на 1/2 года 1 „ 15 „
Съ дост. и перес. на 1/2 года 1 „ 25 „	Съ дост. и перес. на 1/2 года 1 „ 25 „

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „Юной Россіи“) ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За границу „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) съ „Педагогическимъ Листкомъ“ 8 руб. За перемѣну адреса 28 коп. марками. Объявленія, помѣщаемыя въ журналѣ: 1 стр.—40 руб., 1/2 стр. 20 руб.

Издатели: **Е. Н. Тихомировъ.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

И нумера журналовъ посылаются въ Москву, на Большой Молчановск. д. № 24—Д. И. Тихомировъ. Адресъ для издательствъ: Москва въ редакцію „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

Всѣ книги издательства Д. И. Тихомирова высылаются безплатно.